

представляетъ удивленіе неразгаданному. А лицо Славянина? Хмъ!

Очень прудно дойдши до опредѣленія пого, что выражаетъ внутренняя физиономія пого или другаго народа: до эпого можно дойши полько послѣ долговременнаго изученія народовъ.

Всякое опредѣленіе безъ данныхъ, безъ изученія и бесполезно и непоняшно.—Одну изъ самыхъ лучшихъ данныхъ, необходимыхъ для изученія народа, представляетъ народная поэзія или *Пѣсни*.

Пѣсня есть вопль, а вопіемъ всегда о помъ, что насъ прогаептъ: *здѣ болитъ, тамъ и рука*, говоришь Русская пословица.

Пѣснь Задунайскаго Славянина випѣвапа, и длинна какъ хвостъ мантіи древней какой-то Олимпійской Богини; но эпа, величаво-сложенная мантія испещрена пурпуровыми пятнами. Движенія этой богини внезапны и рѣшипельны, эпа движенія Белмоны: судя по нимъ, подумаешь, что она *величаво-сердита*; и сердита и распрогана. Высокое ея чело красуется вѣнцомъ побѣды. . . Она вовсе не похожа на уличныхъ дѣвъ, сидящихъ у воротъ, и улыбающихся проходящимъ, или шляющихся съ корчагами за водой по улицѣ мостовой. Она не улыбается, говорю я, всякому встрѣчному и поперечному проспаку попому, что она задумчива; она, богиня Славянъ Задунайскихъ, думаетъ думу о жизни и смертнн челоуѣка и народовъ. . .